

Карьера или измена: пересечение интеллигентом цивилизационных границ

Карьера и измена — это два аспекта участи, которая постигла польского интеллигента на рубеже XIX и XX века. Не касаюсь здесь вопроса, связанного с возникновением этой социальной группы в Польском Королевстве и в Привислянском Крае. Также не вхожу в спор об исключительности интеллигенции, будь то в России, будь то в Польше¹. Разделяю тезис о том, что необходимо рассматривать польскую интеллигенцию отдельно. Каждый из тех двух слоев — в Польше и России — имел свое особое происхождение и свою историю². В трактовании генезиса интеллигенции я остаюсь верен позиции Стефана Кеневи́ча, которую он определил 60 лет тому назад³. Необходимо принять во внимание имеющийся огромный опыт в исследовании интеллигенции, но здесь это не является принципиальным вопросом⁴. Следовательно, интеллигент — это человек с образованием, занимающийся умственным трудом, чтобы зарабатывать, с призванием миссии. Интеллигент определяется скорее через состояние духа, чем через социальный критерий. Но эта среда постепенно становится социальной группой⁵. Процесс этот усиливается в условиях чужого господства. Особенное значение имеет тот факт, что Российское Царство проводит через весь XIX век политику своей не расположенности к этому слою.⁶

Основания для этого достаточно простые. В XIX веке мы имеем дело с формированием в польском обществе слоя, называемого интеллигенцией, который мог бы быть признан в качестве ключевого момента в процессе становления современного народа. Слой тот выполнял роль служебную в отношении других групп, но одновременно к нему перешло лидерство как духовное, так и политическое. Польские

¹ Это понятие использовал Кароль Либельт в 1844 году для того, чтобы обозначить среду образованных людей, которые верили в свою миссию в народе и стремились к установлению собственного независимого государства. Виссарион Белинский использовал это понятие для российских реалий в 1846 году.

² В проекте «Молчащая интеллигенция» этой проблемой займется Daniel Beauvois, разрабатывая тему «Почему в российском царстве не появилась категория польских разночинцев?»

³ S. Kieniewicz, *Rodowód inteligencji polskiej*, «Tygodnik Powszechny» 1946, nr. 15.

⁴ R. Czerpulis-Rastenis, «Klasa umysłowa». *Inteligencja Królestwa Polskiego 1832–1862*, Warszawa 1973.

⁵ Это явление выступало в XIX веке во всех трех разделах Польши.

⁶ И. С. Аксаков в работе «Задача России в западном крае», «Москва» 10 IV 1868 утверждал: «По крайней мере не жалеем..., что положен конец имеющей традицию и довольно богатую деятельность интеллигенции этого края», цит по: D. Beauvois, *Szkolnictwo polskie na ziemiach litewskoruskich 1803–1832*, Lublin 1991, t. II, s. 432.

интеллигенты, то есть те, которые были выходцами из польской этнической среды и выбирали польскую как критерий национальной самоидентификации, жили в российском государстве и должны были быть послушны его праву. Польское общество не могло обеспечить просторства, достаточного для расширения их активной деятельности. Стежки карьеры вели интеллигента к возникновению конфликтной ситуации между интересами народа, лидером которого он стремился стать, и интересами империи, которой он должен был служить. Но не только это определяет его исключительную судьбу.

Жизнь интеллигента оказалась обусловлена обстоятельствами, которые я буду интерпретировать как «цивилизационное насилие». Имею в виду то, что и образование и службу он должен был принимать на языке и на условиях, продиктованных не только через чужое для него государство, но и через людей, которые руководствовались другой, чем его, системой ценности. В условиях российской империи реализация карьеры, свойственной для той группы, означала ли в действительности измену?

Вопрос верности и измены многократно становился предметом, интересующим исследователей.⁷ Польский интеллигент в царской России мог сделать профессиональную карьеру только на российской службе, не обязательно государственной. Перспективы героев «Przedwiośnia», «Syzyfowych prac», «Strasznego dziadunia» и многих других романов всегда были оплетены двусмысленностью. Отдаление от родной земли и привычного обычая грозило привести к моральному упадку и духовному отказу. Такой была участь Вокульского, с тем же сталкивается Чертван, хотя оба не были героями-интеллигентами. Была ли карьера на царской службе затормозом для миссии интеллигента? Инженер, строящий мосты, инженер, конструирующий паровозы, инженер, развивающий нефтяную промышленность в Закавказье — они не раз получали образование не только в царских университетах — изменяли ли они и кому?

Интеллигент, старающийся сделать карьеру, обрекал себя на предательство собственного этоса, и не мог далее стремиться к роли проводника. Интеллигенты же, отказывающиеся от карьеры, становились, как это показано у Жеромского, бездомными людьми.

Моей целью является постановка вопроса о том, как далеко карьера и измена заводили к переступанию границы цивилизационной. Эти вещи были определены в категориях национальных и культурных, но не рассмотрены в перспективе цивилизационной.

Следует также представить категории, которые служат интерпретации исследуемого явления. Это категории цивилизации, пространства и границы цивилизации. С моей точки зрения, цивилизация — это система ценностей, которая способствует идентификации надэтнической, надкультурной, и надтерриториальной⁸. Пространством я называю многомерную область, которая поддается мысленному освоению субъектом или группой, с которой данный субъект себя идентифицирует⁹. Границей цивилизации является верность человека избранным для себя ценностям.

Ситуация интеллигента определяется тем, что он живет в обществе, подчиненном другому обществу, а карьеру свою пробует сделать в сфере доминирующей куль-

⁷ M. Micińska, *Zdrada córka nocy. Pojęcie zdrady narodowej w świadomości Polaków w latach 1861–1914*, Warszawa 1998.

⁸ В этом я согласен с: В. В. Ильин, А. С. Ахиезер, *Rossijskaja civilizacija: sodержаниje, granicy, vozmožnosti*, Moskva 2000, s. 20. Но их понятие цивилизации другое.

⁹ E. Łukaszyk, *Terytorium a świat. Wyobrażeniowe konfiguracje przestrzeni w literaturze portugalskiej od schyłku średniowiecza do współczesności*, Kraków 2003, s. 16.

туры. Это обозначает измену, поскольку ради своей цели он должен признать чуждую систему ценностей, иначе говоря, признать господствующим их превосходство над собой. Это состояние я определяю как подчинение. Такой уклад отношений характерен для колониализма. Проблема стягивается до вопроса, означает ли делание карьеры отход от системы ценностей, выбираемой в доминирующем обществе. В польском воображении преобладал вопрос национальной принадлежности, тон задавал принцип верности Отчизне. Интеллигенту, стремящемуся устроиться на службу, трудно было отвечать этим требованиям. Кажется, сведение проблемы до патриотизма, противопоставление польскости русификации, не исчерпывает всей проблематики.

Поступление на царскую службу ставило перед интеллигентом не только вопрос, хотел бы он и сумел бы сохранить польскость: язык, религию или культуру. Вызов заключался в открытии дороги, ведущей в круги российской интеллигенции, что вопреки устоявшемуся мнению, не было так просто. Ведь сущностью карьеры было признание не только действительного факта господства, но также и отличающейся другой цивилизации.

В этом смысле интеллигент не имел выбора. В действительности же все было иначе. Поступая на службу в империю интеллигент должен был соответствовать ее требованиям, что на деле оказывалось не таким трудным. Тем не менее он мог жить в согласии с собственной системой ценностей, хотя это было, без сомнения, труднее.

Судьба интеллигента в царской России оказалась предопределена насилием, которое требовало определенного поведения. Однако он мог сохранить социальные и семейные связи, и, таким образом, оставаться верным своим ценностям. Измена выступает здесь определением относительным. Остается вопрос, мог ли интеллигент на царской службе выполнить миссию, к которой стремилась интеллигентская

среда. В этом отношении для него открывались различные дороги. И среди них принятие новых условий и судьба революционера.

И, наконец, обращаю внимание на возможность создания своего рода матрицы позиций, которые, впрочем, касаются не только интеллигентов. В обсуждаемом случае мы имеем дело с хорошо известным из других колониальных обществ отношением имитации и бунта.¹⁰ В этой связи данный вопрос позволяет переосмысление польской точки зрения о российском господстве.

*Пересечение цивилизационных границ
в условиях колониального господства*

	Типы отношений между людьми		Покоренное общество	
	Покорность	Доминанция	Люди остаются со своими ценностями	Люди отходят от своих ценностей и принимают чужие
Господствующее общество	Люди остаются со своими ценностями	Встреча	Встреча	Контакт
	Люди отходят от своих ценностей и принимают чужие			Господство
		Контакт	Катастрофа	
		Принятие-аккомодация		Отбрасывание

¹⁰ Я ссылаюсь здесь на: J. Kieniewicz, *Wprowadzenie do historii cywilizacji Wschodu i Zachodu*, Warszawa 2003 и также: *Borderlands and Civilizational Encounter*, «Memoria y civilización», том. 8, Pamplona 2005.